

5. *Львов П.* Храм славы великих россиян. Ч. 1. – М.: 1822.
6. *Муравьев М.Н.* Оскольд, повесть, почерпнутая из отрывков древних готфских скальдов // Полн. собр. соч. М.Н. Муравьева в 3 ч. Ч. 1. – СПб.: Тип. Российской Академии, 1819–1820.
7. *Петров А.В.* Принцип-процесс историзации художественного сознания // Литература русского предромантизма: мировоззрение, эстетика, поэтика / Под ред. Т.В. Федосеевой; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2012. – С. 77–86.
8. Проблемы историзма в русской литературе (Конец XVIII– начало XIX в.) – Л., 1981. (XVIII век; Сб.13).
9. *Резанов В.И.* Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского. Вып. II. – Пг., 1916.
10. Русские летописи по Никоновскому списку, изданные под смотрением Имперской академии наук. – СПб., 1767.
11. Русский вестник. – 1808. – Ч. 4. № 11. – С.147–211.
12. *Серман И.З.* К.Н.Батюшков и М.Н.Муравьев (История одной загадки) // Батюшков: исследования и материалы: сб. научных трудов / Под ред. Р.М. Лазарчук. – Череповец, 2002. – [Электронный ресурс]: <http://www.booksite.ru/fulltext/iss/led/ova/nia/index.htm>. (Заглавие с экрана).
13. *Федосеева Т.В.* Жанр «старинной повести» // Литература русского предромантизма: мировоззрение, эстетика, поэтика / Под ред. Т.В. Федосеевой; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2012. – С.409–453.
14. *Фоменко И.Ю.* Исторические взгляды М.Н. Муравьева // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII– начало XIX в.: XVIII век: Сб. 13. – Л., 1981. – С.167-184.
15. *Эйхенбаум Б.М.* О прозе. О поэзии: Сб. ст. / Б. Эйхенбаум; [Вступ. ст. Г. Бялого]. – Л., 1986.

А.Н.Паикуров

Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Миф М.Н.Муравьева в русской литературной культуре: истоки

Литературная репутация¹ русских писателей XVIII века, одна из первичных форм проявления и генезиса писательского мифа, как в отдельных медальонах, так и в общей панораме системы – явление очень пестрое и неравномерно движущееся. Первая половина столетия «гениецентрична», это, по-видимому, время ярких одиночек, за каждым из

¹ По общей теории и истории вопроса литературной репутации, а также связанных с нею процессов генезиса авторского сознания в литературной культуре – см.такие, к примеру, исследования, посвященные разным авторам и эпохам отечественной и мировой литературы: [Антипина 2012; Краюшкина 2009; Ларкович 2012; Пахсарьян 2009]

которых – какой-либо свой, первый, уникальный шаг в становлении отечественной словесности Нового времени: Прокопович, Кантемир, Третьяковский, Ломоносов, Сумароков... Остальные их «спутники по времени» – в тени, настолько, что зачастую стремительно исчезают даже самые их имена...

С самими лидерами литературных репутаций все тоже не так просто: налицо четкое структурирование формирующейся репутации по трем уровням:

– позитивный государственно-идеологический (к примеру, Антиох Кантемир как дипломат),

– прямая противоположность – уровень «пародийно-пасквильный» (разного рода утрированные искажения облика писателя, деятеля литературной культуры его наиболее активными и влиятельными недоброжелателями; это – колыбель антимифа¹),

– и, наконец, сам литературный пласт, он пока нередко – на вторых ролях. Любопытно в этой связи, как НЕ удалось Третьяковскому-филологу стать первым профессиональным писателем, при всей его ультра-филологичности, в то время как для младшего его современника и «со-вечника» – Сумарокова, это уже вопрос закономерный.

Во второй половине XVIII века картина литературной репутации значительно меняется, общество начинает становиться «литературоцентричным» в глубоком смысле этого слова. Кроме того, при усложнении картины литературных направлений, обществ и стилей, писатели вступают и в более сложные, своеобразные взаимосотношения. Показательна история домашнего салона И.И.Шувалова, в первые годы бытия которого публику просто занимали схватки не только литературного профиля меж Михаилом Ломоносовым и Александром Сумароковым, зато к закату – утонченные дискуссии в ключе позднего русского классицизма, в т.ч. – с подачи Алексея Оленина.

В таком контексте литературная репутация оказывается гораздо более: и динамичной и «мифотворческой». Пока не ослабела свежесть отклика современников – литературная репутация играет решающую роль.

Впрочем, проницательно и остроумно заметил в свое время В.Г.Белинский, и к эпохе третьей трети XVIII века, при Екатерине Великой, – государственно-идеологическое поприще продолжало нередко считаться для писателя решающим: «Мало бы оказывалось уважения к певцу «Бога» и «Водопада», если бы он не был *действительным тайным*

¹ В целом о динамике феномена мифа, его соотношении с антимифом – см.: [Голосовкер 1987; Косарев 2000; Нямец 1992; Топоров 1995; Элиаде 2000].

советником и разных орденов кавалером...] [Белинский 1948, 1: 40] (курсив – В.Г.Белинского).

Коль скоро мы говорим о литературной репутации как первом этапе писательского мифа, важно иметь в виду не только саму словесность, но и шире – литературную культуру эпохи того или иного автора. Если мы сопоставим ряд современных научных сборников, посвященных творческой феноменологии определенного писателя второй половины XVIII века в контексте его эпохи, вырисуется в этом плане любопытная по типологии картина.

Первый смысловой блок образуют исследования культурно-общественного кредо литератора (как, например, в одной из книг петербургской серии «Г.Р.Державин и его время», 2005 [Г.Р.Державин 2005]), системы его мировоззрения (каков проблемный пролог, посвященный феномену «энциклопедизма» Николая Львова в итоговом, пятом, сборнике, серии «Гений вкуса» [Гений вкуса 2008: 5-16]) и, наконец, явления «литературной репутации» как таковой (что предложено Н.Д.Кочетковой в книге «Иван Иванович Дмитриев. Жизнь. Творчество. Круг общения» [И.И.Дмитриев 2010: 7-18]).

Далее, чаще всего, следует аналитическая картина сведений о биографии писателя и влияниях на него контекста окружающей, мировой и отечественной, литературной культуры (ср.: вопрос о Херасковской традиции для Державина: [Г.Р.Державин 2005: 59-72]; масонской идеологии в наследии Дмитриева: [И.И.Дмитриев 2010: 66-79] и т.д.).

Центр сборников образуют материалы двух иных «профилей»: это – собственно комплексный анализ поэтики писателя, его ключевых открытий в идеологемах и жанрах словесности («Оппозиция «парадное – приватное» в творчестве Дмитриева»: [И.И.Дмитриев 2010: 28-42]) и освещение диалога творчества исследуемого автора с другими искусствами (искусство интерьера в домах Г.Р.Державина: [Г.Р.Державин 2005: 119-130]; гипотеза о диалектическом соотношении «пространственных» и «мусических» искусств в мироконцепции Н.А.Львова: [Гений вкуса 2008]).

Своеобразным эпилогом выступают публикации, посвященные, соответственно, обзору:

- а) мемориально-музейных экспозиций и комплексов;
- б) книг и рукописей писателя в современных архивных фондах;
- в) истории его (литератора) потомков, как в социально-бытовом, так и в литературно-культурном, аспектах.

Что касается самого феномена «литературной репутации», интере-

сующего здесь нас приоритетно, оригинальную методику анализа предлагает Н.Д.Кочеткова, на примере литературной маски «русского Лафонтена» в творческой судьбе Ивана Дмитриева:

1. Выявление определенной лидирующей авторской маски как «фундамента» литературной репутации;

2. Экскурс в историю вхождения литератора в словесность, динамика соотношения первых ему похвал и критики, колебания самооценки;

3. Переломные события, знакомства и произведения, выводящие автора на авансцену литературной культуры (для Дмитриева – в т.ч.: преклонение перед ним как «учителем» одного из прозаиков второй волны русского сентиментализма, Павла Львова);

4. Вхождение писателя в определенный литературный союз, соотношение им своей авто-позиции с программой данного объединения;

5. Начало нового освоения мировой литературной культуры – через переводческую деятельность;

6. Литературные полемики и истоки кристаллизации, оформления маски как первой страницы литературной репутации писателя;

7. Освоение и развитие «предложенной» литературной культурой репутации (как в творчестве, так и в эпистолярии, самопозиционировании в «литературно-общественной политике»);

8. Принятие окружением писателя и его последователями «правил игры» и утверждение определенной репутации как базиса формирования нового писательского мифа в истории словесности.

* * *

Итак: Михаил Никитич Муравьев, страница первая – каким виделся он любимой своей русской литературе, литературной культуре, в деле соиздания которой так много преуспел..?

Первое, что сразу обращает на себя внимание – теплое единодушие современников, и современников- ровесников и современников младших. Все безоговорочно подчеркивают, рефреном ведут в портрете Муравьева предельную нравственную порядочность, добродетельность – почти как житийное качество. «Я большей не могу хвалы ему сказать: Мать дочери велит труды его читать...» – даже острослов-афорист Иван Дмитриев, гроза элегических сентименталистов, галантно раскланивается перед нашим героем, без тени иронии и насмешки.

Складывается и более панорамная картина. Как некогда заметил Г.А.Гуковский, говоря о динамике литературно-общественной жизни России уже начала XIX столетия, до окончательной канонизации Нико-

лая Карамзина, – «... в кругу карамзинистов был принят как обязательный культ Муравьева, наставника в жизни, морали и литературе...» [Гуковский 1938: 252].

Первый основательный научный фундамент у Муравьевского Мифа появится существенно позже – лишь в 1913 году, благодаря уникальной критической монографии Н.Жинкина: «М.Н.Муравьев (По поводу истекшего столетия со времени его смерти)» [Жинкин 1913]. Со второй трети XIX столетия – тянется *до* этого времени печальная пустыня фактически полного забвения (за исключением фрагментарных упоминаний в разного профиля пособиях, учебниках, а также Смирдинского опыта переизданий избранных сочинений писателя). Начало и первая треть XIX века – последние искры *перед* этим.

Плодотворной почвой для литературной репутации М.Н.Муравьева оказываются суждения его современников и почитателей – как раз о нравственном облике этого литератора.

Н.М.Карамзин, благородно отодвигаясь в тень и уходя от собственного мифа, говорил о «прекрасной, нежной душе, исполненной любви к общему благу» (в слове «От издателей» к посмертно изданным Муравьевским «Опытам истории, словесности и нравоучения», 1810).

Загадочный и желчный Ф.Ф.Вигель, человек уже предПушкинской литературной культуры, в своих «Записках» дает уже абсолютно гимнографическую формулу видения Михаила Муравьева – как «примера всех добродетелей»¹.

Наконец, и уже в 1840-е годы боготворивший нашего автора Петр Плетнев, мечтая создать достойную и поучительную его биографию, нарекает этот жизненный путь, эту биографию – «чудной»² («Жизнеописания таких людей поучительны как жития. Самый придирчивый взгляд не обнаружит в них противоречия между словом и поступком...») – такой емкий нравственно-философский итог подводит уже современный исследователь динамики русской литературной культуры той эпохи – Римма Михайловна Лазарчук [Лазарчук 1999: 11].

Обратимся к трем показательным концепциям: некрологу-панегирику Н.Ф.Кошанского «На кончину Михайла Никитича Муравьева» (1807), фрагменту очерка В.А.Жуковского из архивного «Конспекта по истории русской литературы» (два других показательных «пика» интереса создателя русского романтизма к своему предтече – издательский просветительский проект «Собрание русских стихотворений...», 1811 (в т.ч. со

¹ См.: Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1928. Т.II. С.40.

² Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым. СПб., 1896. Т.2. С.635.

специальным эпиграфом («из Муравьева» к части 5) – и совместно с Батюшковым спасенное и выпущенное в свет в 1819-1820 гг. трехтомное собрание сочинений Михаила Никитича) и подстрочным примечаниям В.Г.Белинского к рецензии «Сочинения в прозе и стихах, Константина Батюшкова», 1834. Труды самого Константина Николаевича Батюшкова («Письмо о сочинениях г.Муравьева» и «Письмо к И.М.М.А») пока намеренно брать в круг рассмотрения не будем как отдельную, самостоятельную вершину Муравьевского мифа, созданную человеком, фактически созданным в словесности Михаилом Никитичем Муравьевым [Яценко Наставник 1992; Яценко «Незабвенное имя...» 1992].

Первое, что сразу обращает на себя внимание у всех троих зачинателей Муравьевского мифа: для них неразъединимы в Михаиле Никитиче общественно-гражданственный и литературно-нравственный планы его личности.

Так, Николай Кошанский открывает свою надгробную элегию в прозе со скорбного признания: «Музы Московския! вы лишились своего Мечената!» [Кошанский 1807: 189].

Василий Жуковский начинает краткую справку о писателе с одного из знаменательнейших фактов его биографии, вновь – яркого просветительского направления: «Наставник императора Александра. Он написал для своего высокопоставленного воспитанника несколько работ по истории России...» [Жуковский 1948: 306].

В.Г.Белинский говорит уже многомернее – о Муравьеве как человеке и писателе в трех ипостасях: «благородный сановник», «добродетельный муж», «умный и добродетельный человек» (впрочем, журит Константина Батюшкова за то, что тот «смешивал» эти важные, но не синонимичные понятия с кредо Муравьева как «поэта и художника» [Белинский 1953, 1: 165]).

Вторая важная особенность мифа Муравьева в литературной культуре – его (как самого автора, так и мифа) прирастание учениками, иными словами говоря – все более расширяющееся эхо начатого писателем нового века просвещения.

В.А.Жуковский вкратце касается двух пластов: говорит о порфирородном «наследнике» Муравьева, будущем императоре Александре, – с одной стороны, и о писательской деятельности Муравьева как о связующем звене между традицией классики и новыми открытиями – с другой стороны: «При чтении его произведений чувствуется, что он воспринял все, что есть прекрасного в древней и новой литературе» [Жуковский 1948: 306].

Н.Ф.Кошанский рисует достойную оды панораму – панораму того, как «гремящие красноречием ораторы» возвестят миру заслуги ушедшего просветителя: «... в ... пышных академиях, университетах, разных обществах и собраниях, где и ныне парит дух его...» [Кошанский 1807: 189]. Обнимает собою разные области благоденствий Муравьева – «чувствительность, прибежище и покров несчастных», и она же обретает полноценное бытие во всех трех ведущих его призваниях-заслугах: «наперсник у Трона, защитник гонимых судьбою и нежный Мecenат Муз...» [Кошанский 1807: 190].

Подчеркнутый позднее и Жуковским литературный универсализм писателя у Кошанского тоже преобразен в лирико-панегирическом ключе. Интересно, как встречаются у этого преемника Муравьева на стезе просвещения (не забудем, что профессор Н.Ф.Кошанский станет и одним из преподавателей Царскосельского Лицея!) традиции житийной и одической поэтики: от смиренного прилежания в учености, представлений о чтении как служении Богу – к полетам открытого мирозданию и открывающего это мироздание Гения! Сравним: «Часто лучи утра видели вечернюю беседу его с Музами; он приносил им жертвы великия...» (кстати, ранее так же изобразил своего старшего друга, Ф.В.Ушакова Александр Радищев, назвав повесть его памяти – 'Житием...!') – и при том: «... душа его носилась в различных веках и народах, и собирала вечныя истины» [Кошанский 1807: 192-193].

Третья грань Муравьевского мифа – поликультурность.

Николай Кошанский исходит из эмоционального «соощущения современника», причем – современника восхищенного, поэтому его картина и полна и набросана в художественном беспорядке одновременно. Знание Муравьевым множества наук и языков (к примеру, прочтем: «... Столько был обогащен сведениями, что со *всеми* знаменитыми учеными, коим был прибежищем дом его, рассуждал *о всех частях наук весьма основательно*» [Кошанский 1807: 193] (курсив – мой: А.П.)) – прямая стезя сравнить его «на равных» с самим Ломоносовым. Любопытно, что «поющий» Николай Федорович попробует одною любопытной деталью даже «превозвысить» младшего Михаила, Муравьева, над старшим: ибо именно Михаил Никитич осуществил не совершенное самим Михаилом Васильевичем: «...знал языки древние так хорошо, что Латинскими стихами перевел *Ломоносова Петριάду*» [Кошанский 1807: 193] (курсив – Н.Ф.Кошанского).

Муравьеву, ученому и просветителю, были подвластны в гармонии Древняя Греция – и Древний Рим, словесность – и философия («Вирги-

лия и Гомера знал почти наизусть, и так любил Греческий язык, что никогда не разставался с любимым философом своим *Платоном* и с *Димосфеном*...» [Кошанский 1807: 193] (курсив – Н.Ф.Кошанского).

Перед самой вершиной воздвигаемого здания славословия Николай Кошанский вернется к важным потом и для Жуковского и для Белинского представлениям о переходе у Муравьева от классики к Новому: «Новейшие европейские языки знал он почти все, даже Гишпанский» [Кошанский 1807: 194].

Продолжением мифологизируемого писателя всегда становятся его книги, как им самим созданные, так и им духовно и разумно освоенные (о таком возможном финале – обзоре «библиотечного наследия» литератора – в сборниках образца «Писатель и его время» – мы уже говорили выше). Кошанский обыгрывает лейтмотив «библиотеки-хранилища», возвращаясь к феномену восприятия Муравьева современниками: «...его с почтением называли *живым лексиконом и библиотекой*...» [Кошанский 1807: 194] (курсив – Н.Ф.Кошанского).

У Жуковского место восторженного фейерверка займут спокойные взвешенные, даже несколько рассудочные суждения, главная цель которых – типологизировать знание Муравьевым разных культур. На первые роли поэт-критик ставит влияние на своего героя английской моралистической и французской светской традиций: «Он написал ... отрывки в манере английского «Зрителя», ... «Разговоры мертвых»...» [Жуковский 1948: 306]. С французским влиянием дело обстоит, как видится Жуковскому, еще сложнее: оно – мешало Муравьеву, причем – уже на первом, столь важном для писателя, уровне: языка и стиля: «...язык его не безупречно чист ... чувствуется, что он воспитан на французских образцах...» [Жуковский 1948: 306].

Виссарион Белинский, еще дальше отстоящий от Михаила Муравьева по времени, видит уже одно только Французское в его европейской образованности, причем предпочитает зачастую считать писателей той страны – выше Муравьева, а его самого – повторившим просто в ином контексте открытия «Расина и Вольтера». Потому и герои ряда прозаических и драматических произведений М.Н.Муравьева, в их восприятии К.Н.Батюшковым, переведены им в насмешничающее множественное число: имея «множество балласту» в своем творчестве, Батюшков – «...восхищался Рюриками, Оскольдами, Олегами Муравьева» [Белинский 1953, 1: 165].

А вот что касается венчающей Муравьевский миф *итоговой четвертой приметы* – *вновь критики единогодушны*. Речь идет о *Нравственном*

Влиянии писателя на современную ему литературную культуру и следующие за этим поколения.

Белинский, в символическом согласии с открытым Ломоносовым для русской оды законом «сильного лаконизма», отступает от любимого им уважения исключительно к Николаю Карамзину и, отмечая такое же, если не большее, совершенство в слоге у М.Н.Муравьева, завершает таким емким афоризмом: «Муравьев как писатель замечателен по своему нравственному направлению, в котором просвечивалась его прекрасная душа» [Белинский 1953, 1: 166]. Обратим внимание: не просто «высокая нравственность», и не только «значимое нравственное влияние» – а именно целое «нравственное направление»!

Жуковский стремится воссоздать картину изнутри – потому и пишет, что, как сам Муравьев-поэт был «...полон мыслей и особенно образов» («По своим познаниям он (Муравьев) был много выше своих современников»), так и все его творчество высветило людям его «прекрасную душу», будучи «...все отмечено печатью чистоты и любви к добру» [Жуковский 1948: 309].

Николай Кошанский, живущий еще и сам во многом в мире роднящего их с Муравьевым сентиментализма, расцветивает некролог высокими чувствительными эпитетами, ибо: «...слеза, согретая благодарным сердцем, падет на могилу незабвенного!» [Кошанский 1807: 189-190]. Самые яркие и лейтмотивами идущие в царстве его эпитетов, обращенных к Учителю, – «кроткий», «нежный» и «душевный».

Первое – дар природы (ее «кроткое благодетельное действие» и создало феномен Муравьева – [Кошанский 1807: 190]).

Второе свойство – Нежность – диалог природы, характера и влияния человека-просветителя, ею наделенного, на общество (Михаил Никитич – «нежный Меценат Муз Московских» – [Кошанский 1807: 191]) мог легко и светло преобразить и самую грозную монархиню – Екатерину, и уже восхищенные россияне внимали потом «...кроткой, нежной мудрости из уст Великой...» [Кошанский 1807: 194].

Наконец, венчает все – «зерцало доброты душевной» [Кошанский 1807: 190-191]. На смену горю потери («Я не в силах продолжать... горесть питомец университета чувствует всю свою безценную потерю, и может быть никто столько, как тот, чьи слезы теперь катятся на бумагу...») [Кошанский 1807: 196]) приходит мудрое смирение и утешение – ведь душа Муравьева бессмертна: «...провожаю тебя в мир лучший, тень благодетельного! Пусть дух твой всегда носится над питомцами ..., и оживляет их своим невидимым, но тем же нежным, утешительным действием!» [Кошанский 1807: 196].

Литература

1. *Белинский В.Г.* Собр.соч.в 3 т. – М., 1948. – Т. 1. – С. 7–89.
2. *Белинский В.Г.* Полн.собр.соч.: В 13 т. – М., 1953. – Т. 1.
3. *Жуковский В.А.* Неизданный конспект по истории русской литературы // Труды отдела новой русской литературы. – М.-Л., 1948. – Т. 1. – С. 306–307.
4. *Кошанский Н.Ф.* На кончину М.Н.Муравьева // Вестник Европы. – 1807. – № 19. – С. 189–196.

* * *

5. *Антипина З.С.* Литературная репутация и творчество В.В.Каменского в историко-культурном контексте 1920–1930-х годов: Автореф. дисс. ... канд. филол.наук. – Пермь, 2012.
6. Г.Р.Державин и его время / Отв.ред.: Н.П.Морозова. – Сб.2. – СПб., 2005.
7. *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. – М., 1987.
8. *Гуковский Г.А.* У истоков русского сентиментализма // Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. – Л., 1938. – С. 251–298.
9. *Жулякова Э.М.* В.А.Жуковский и М.Н.Муравьев // Библиотека В.А.Жуковского в Томске. Ч.1. – Томск, 1978. – С. 71–104.
10. *Жинкин Н.* М.Н.Муравьев (По поводу истекшего столетия со времени его смерти) // Известия отдела русского языка и словесности. – 1913. – Т. 18. – Кн. 1. – С. 272–352.
11. Иван Иванович Дмитриев (1760-1837). Жизнь. Творчество. Круг общения / Ред.: А.А.Костин, Н.Д.Кочеткова [Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Выпуск 6]. – СПб., 2010.
12. *Косарев А.* Философия мифа. – М.; СПб., 2000.
13. *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма. – СПб., 1994.
14. *Краюшкина Н.Н.* Литературная репутация А.С.Пушкина в 1830-е годы: Автореф. дисс. ... канд.филол.наук. – М., 2009.
15. *Кулакова Л.И.* <Эстетические взгляды М.Н.Муравьева> // Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. – Л., 1968. – С. 191–206.
16. *Кулакова Л.И.* М.Н.Муравьев // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. – Вып.4. № 47. – Л., 1939. – С. 4–42.
17. *Кулакова Л.И.* Муравьев // История русской литературы: в 10 т. – Т.4, Ч.2. – М.-Л., 1947. – С. 454–461.
18. *Кулакова Л.И.* Н.И.Новиков в письмах М.Н.Муравьева // XVIII век. – Сб.11. – Л., 1976. – С. 16–23.
19. *Кулакова Л.И.* Поэзия М.Н.Муравьева // Муравьев М.Н. Стихотворения. – Л., 1967. – С. 5–49.
20. *Кулакова Л.И., Западов В.А.* Письма М.Н.Муравьева. // Письма русских писателей XVIII века. – Л., 1980. – С. 354–377.
21. *Лазарчук Р.М.* Литературная и театральная Вологда 1770–1810-х годов: Из архивных разысканий. – Вологда, 1999.

22. *Ларкович Д.В.* Феномен авторского сознания Г. Р. Державина в контексте русской художественной культуры второй половины XVIII – начала XIX века // <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/fenomen-avtorskogo-soznaniya-g-r-derzhavina-v-kontekste-russkoj-hudozhestvennoj.html>. – Доступ свободный. – Проверено: 20.05.2013 г.

23. *Милюгина Е.Г., Строганов М.В.* Н.А.Львов. Итоги и проблемы изучения: Монография. – Тверь, 2008.

24. *Няму А.Е.* Миф и Легенда в мировой литературе. – Черновцы, 1992.

25. *Пахсарьян Н.Т.* Историко-литературная репутация произведения как аксиологическая проблема современного литературоведения... // <http://natara.msk.ru/bibliograficheskiy-ukazatel/istoriko-literaturnaya-reputatsiya-proizvedeniya-kak-aksiologicheskaya-problema-fenomen-astrei-d-yurfe.html>. – Доступ свободный. – Проверено: 20.05.2013 г.

26. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. – М., 1995.

27. Элиаде М. Аспекты мифа. – М., 2000.

28. Яценко О.А. Наставник и воспитанник (М.Н.Муравьев и К.Н.Батюшков) // Педагогика. – 1992. – № № 11-12. – С.66-70.

29. *Яценко О.А.* «Незабвенное имя для сердец благодородных...»: М.Н.Муравьев и его воспитанники // ... И в просвещении статья с веком наравне... – СПб., 1992. – С.104-117.

А.В.Кистанова

Херсон (Украина), Херсонский государственный университет

Личностное и универсальное в поэтическом отклике

Г. Державина «На кончину великой княжны Ольги Павловны»

Уникальность мировосприятия, переходный характер художественного сознания Г.Державина, породившие его неповторимый стиль, давно стали общим местом исследований творчества поэта. Несмотря на огромное количество работ, посвященных различным аспектам творчества автора «Водопада», державинские студии продолжают оставаться актуальными и сейчас. Вопросы жанра, стиля и поэтики, этические и эстетические взгляды, философская составляющая, рассмотрение фигуры самого поэта и его творчества в контексте истории русской литературы рубежа XVIII–XIX веков – вот некоторые из основных векторов научного поиска державиноведов.

Исследователи единодушны в том, что в художественном сознании Г.Державина парадоксально сочеталось личностное и универсальное: